

Осмыслить время (по семейным воспоминаниям)*

К. В. Коржавин

ДЕЯНИЯ РАТНЫЕ В ПИЛЛАУ

В то время основные силы Краснознаменного Балтийского флота уже базировались в Пиллау. Ну а как выглядел город Пиллау после тяжелых шестидневных боев за самую крайнюю западную точку нашей страны? Останки отборной немецкой армии отступали к Данцигу по косе Фришнерунг. Наш морской десант через залив Фришгаф высадился на эту косу, чтобы отсечь значительную часть войск, отступавших по косе в Польшу. Пленных отправили в тыл, а они перебили конвой, вернулись назад и ударили в тыл нашему десанту... Останки нашего десанта я видел... Видел я и подбитый немцами наш танк Т-34. В нем так мощно рвались боеприпасы, что сапог вместе с берцовою костью валялся в трех метрах от танка. Но это дела уже давно минувших дней. Двадцатикилометровая коса стала территорией новой Калининградской области, а в конце косы (или, точнее, у ее основания) на советско-польской границе появилась наша погранзаства, которую часто нарушали кабаны, а иногда и люди. Так, например, один немец с чемоданом денег перешел эту границу и, пройдя 20 километров по косе, был задержан нашими матросами у самого Пиллау! Попытался откупиться, плакал, говорил, что идет к дочке в Кенигсберг, но был передан нами в военную комендатуру.

На погранзастве я был только один раз, когда готовились стрельбы по неземным целям косы, чтобы не напугать стрельбой поляков. На косе в ту пору размещался гарнизон морской авиации «Нойтив». Проживали там воздушные асы зрелого

возраста, крутые и коренастые парни с полными «иконостасами» боевых орденов (медали они не носили). Вели они себя крайне независимо... Получали много, много пили, «дулись в картишки». А во время полета над Данцигской бухтой любили кувыркаться на своих аэрокобрах и часто падали в воду, но без человеческих жертв. В общем, резвились они, видимо, с тоски... Так как в основном это были одинокие люди (либо у них никогда не было семей, либо погибли в войну). Иногда, для того чтобы развлечься и «тряхнуть стариной», они добровольно летали в Корею, где вдоволь «отводили душу». Видимо, в ту пору и родился анекдот: «...сбили одного, другого, а третий американец улетел. И тогда из истребителя с корейскими опознавательными знаками раздался русский мат: «Это тебе не с корейцами воевать!» Жили летчики по частным квартирам. Азартные игры и пьянки иногда кончались драками. В общем, в гарнизоне порядка не было! Но однажды весьма заслуженного коменданта гарнизона «Нойтив» полковника Преображенского срочно вызвал И. В. Сталин. Генералиссимус не стал выслушивать полный набор званий, титулов и заслуг полковника Преображенского. Он прервал его рапорт на полуслове и сказал: «Не теряйте зря время, мне о вас известно все, что нужно... Вы мне лучше скажите, почему людей и технику не бережете? И когда в гарнизоне порядок наведете? Если в течение суток не покончите со всеми имеющими место безобразиями, то больше никогда и никому вам не придется перечислять ваши громкие звания и титулы!» Вернулся он от Сталина ни жив ни мертв и тут

же «засучил рукава»... Начались в гарнизоне трибуналы, для офицеров ввели казарменные положение, герои-летчики строем с песней – в общую столовую и обратно... И словно всех подменили. За сутки в гарнизоне был наведен образцовый порядок.

Ну, а если говорить о прочем населении (кроме солдат и матросов или офицерских семей), то это были немцы. Они проживали в Восточной Пруссии, не только в Кенигсберге, но и в Пиллау (вплоть до их эвакуации вглубь Германии). Элементарный разговорный немецкий язык мы освоили довольно быстро. В Пиллау был образцово-показательный лагерь для немецких военнопленных. Новенькие чистые бараки, дорожки, посыпанные песочком и окаймленные белыми камушками, клумбы с цветами, свой клуб со своим оркестром и танцами, два раза в неделю бесплатное кино, да и кормили их не хуже, чем нас! Работали они добросовестно, качественно, но медленно. Если кран поднял груз, но ударили в рынду на обед, то груз так и останется до конца обеда висеть в воздухе... Некоторые из наших офицеров так сблизились с немками, что образовали не узаконенные семьи. Но пришло время, и немцам было приказано в экстренном порядке собрать свой скарб, покинуть свои дома и погрузиться в баржи для отправки вглубь Германии. Это было печальное зрелище... На одном из хуторов я видел прощание нашего офицера со своей женой-немкой. Оба плакали и долго не могли расстаться... Ну, что я думаю по этому поводу... Ведь, строго говоря, мы воевали не с немецким народом, а с фашистской Германией (короче, с

* Продолжение. Начало в №№ 5 (51), 6 (52), 2009 г.; №№ 4 (56)–6 (58), 2010 г.

режимом, претендующим на господство во всем мире). Поэтому лозунг писателя Ильи Эренбурга: «Убей немца!» мне представляется глубоко ошибочным. Нельзя таким нелепым способом ставить под сомнение целесообразность существования на земле целого народа! А как бы сам И. Эренбург прореагировал на лозунг: «Убей еврея!»? Ведь не каждый немец был фашистом. Точно так же, как и не каждый еврей является сионистом, борющимся за мировое господство! На своем веку я повидал много порядочных немцев, да и сам состоял с ними в родстве. Когда в начале войны всех немцев выселили из немецкой колонии на правом берегу Невы из деревни Саратовки, то это совсем не означало, что все они ракетчики, фашисты и шпионы. Но обезопасить пребывание в Неве военных кораблей было необходимо. Папин друг детства и товарищ по ЛПИ* и по работе на заводе «Большевик», немец инженер Зинфельд был кристально честным и глубоко порядочным человеком. С завода «Большевик» в войну он был уволен по условиям режима оборонного предприятия и пошел работать в управхозы. Его семья тоже эвакуировалась в Новосибирск с оборонным ЛОМЗом, а он остался в блокадном Ленинграде вместе с домработницей, финкой Настей. Другие управхозы (за счет добра умерших) не только выжили, но даже еще разбогатели на антиквариате. А вот Зинфельд был настолько честен, что умер от голода! Две мои двоюродные сестры, немки наполовину, Муся и Ляля, всю войну были на Ленинградском фронте – воевали с фашистской Германией. Не виноваты и те сугубо гражданские немецкие интеллигенты, которые в конце войны попали под тотальную мобилизацию Гитлера. Один такой военнопленный, бывший немецкий учитель, временно работавший на земляных работах у завода «Светлана», частенько не от хорошей жизни приходил в дом к моей маме за подачками и просил: «Дате закушайте». Мама, хотя и сама пребывала в нужде, никогда не отказывала в милостыне, делилась, чем могла, и зла из-за безвременной кончины отца на рядовых немцев не держала.

Но не всех немцев выселили тогда из Пиллау, были и редкие исключения. Например немец, владелец трех буксиров, за услуги, оказанные Красной армией при взятии Пиллау, был остановлен в городе вместе с женой и двумя взрослыми сыновьями. Ему даже оставили один (лучший) из его буксиров, на котором он жил со своей семьей, и предоставили работу: перевозить за деньги военнослужащих из Пиллау на косу Фришнерунг. Но однажды ночью они тайно попытались уйти в Швецию, но были задержаны сторожевым кораблем в море. За семь лет службы на флоте это было не единственное ЧП, которое мне врезалось в память. Однажды в наших водах была задержана комфортабельная шведская яхта, которая якобы сбилась с курса. Ее отбуксировали в Пиллау, и я ее видел. На этой яхте было обнаружено современное навигационное оборудование, сложнейшая радиоаппаратура и новейшие средства ведения разведки. Это, конечно, заслуга наших дозорных, наших сторожевых кораблей, но были и явные упущения по линии службы обнаружения (СНиС). Так, например, сбежавшие из-под следствия два матроса (сняли на пирсе часового) угнали в море при полном вооружении дежурный торпедный катер. Спыхватились, когда он на полном ходу (45 узлов) проскочил СНиС и вышел в Данцигскую бухту. Но там случилось непредвиденное... Двигатель заглох, и катер завертелся на месте. Расстреливать его не

стали, так как один из преступников сам застрелился, а другой пытался доплыть до берега и был задержан. Бывали истории и попроще. Кореша на морском берегу в подпитии крепко заснуло, а новейший экспериментальный теплопеленгатор сгорел. Хорошо, что сами вовремя из него выскочили и уцелели. Полуодетые и всклокоченные, они сидели у пепелища и нервно почесывались... А как-то ночью штормило, и самоходную десантную баржу выбросило на камни. Матросы с ближайшей немецкой батареи, которую они обслуживали, сплавали на баржу. Никого там не обнаружили. Привезли оттуда шмотки и поделили между собой. А наутро к ним пришли в одних тельняшках и трусах матросы с баржи и слезно просили вернуть шмотки, что и было немедленно сделано. Часто на побережье косы Фришнерунг и гор. Пиллау после штормов вымывались проржавевшие немецкие химические боеприпасы (бомбы и снаряды) с желто-черной окраской. Поговаривали, что это с немецкого транспорта, затонувшего у остров Борнгольм и растревоженого аквалангистами, искателями ценных сокровищ. Поскольку были случаи отравлений, то матросы на этом направлении вынуждены были нести патрульную службу.

Запомнилось и то, что после взятия Пиллау в подвалах гостиницы «Золотой якорь» кроме немецких трупов почему-то было много трупов лошадей. Ав военной гавани подняли затонувшую немецкую подводную лодку, но, к сожалению,

* ЛПИ – Ленинградский политехнический институт. – Ред.

добротное на вид немецкое кожаное обмундирование рассыпалось в руках. В одном из хорошо замаскированных бункеров мы обнаружили аккордеон, два велосипеда и ящик разных консервов с маринованной капустой и эрзацсосисками. Консервы съели, велосипеды проржавели, а аккордеон развалился от сырости, поэтому были использованы от него только перламутровые накладки.

По прибытии в Пиллау я продолжил свою службу в 170-м отдельном артиллерийском дивизионе БО КБФ, где я трудился коком вначале без отдыха (без выходных дней) с пяти часов утра до 23 часов. Я кормил 150 человек. В помощь был мне назначен белорус Каперуля. Он был очень честный и трудолюбивый матрос. Я его многому научил, и он с моей помощью так освоил кулинарное искусство, что поехал в морскую школу и сдал экстерном экзамен на звание кока III класса. Так у меня появился дублер. Когда мне эта работа порядком надоела, я попросился на более почетную, но рискованную работу. Меня перевели в артиллерийскую разведку дивизиона. Там в штабе я быстро от рядового корректировщика артиллерийского огня дослужился до старшины артиллерийской разведки дивизиона. Я даже был награжден почетным знаком «Отличный разведчик». Мне поручалось не только разрабатывать оперативные карты военных действий в акватории Балтийского моря, но и вести на них боевую обстановку по оперативным данным всех видов разведки. При штабе Балтийского флота наша разведывательная группа числи-

лась как третья группа записи. И поэтому мы обеспечивали своей работой не только наземные, но и морские стрельбы. В зависимости от характера стрельб нас размещали на кораблях самого различного класса: буксирах, тральщиках, крейсерах и даже торпедных катерах. В то время мне пришлось познакомиться с трофейным немецким эсминцем, с которого по радио управляли ходом трофейного немецкого линкора. На этом линкоре вместо орудийных башен была установлена дополнительная броня, делающая его, даже при прямом попадании артиллерийских снарядов, практически непотопляемым. Корректируя артиллерийскую стрельбу, я настолько успешно справлялся со своими обязанностями, что имел в качестве поощрения 10 дней отпуска в Ленинград. А незадолго до демобилизации мне даже предлагали офицерское звание (с учетом семилетней службы) и постоянное жилье в Пиллау, куда бы я мог переселить свою мать из Ленинграда.

Если кое-кто думает, что войны умирают только в войну, то глубоко ошибаются. За семь лет службы я не помню случая, чтобы на крупных учениях армии и флота никто не погиб. Это прежде всего воздушный десант, да и морской десант (при ночной высадке). Обязательно кого-нибудь недоисчитается. Конечно, и моя работа (корректировка артиллерийских стрельб) была связана с постоянным риском. Уж больно часто свои стреляли по своим. Так, например, когда мы были на палубе буксира, который тащил большой

корабельный щит (мишень), наши умельцы комендоры умудрялись угодить прямо в буксир (это еще хорошо, что стреляли не боевыми снарядами, а деревянными болванками). Да так, что только щепки летели, а на палубе появились глубокие вмятины! После нашей корректировки огонь перенесли на щит, а цель была поражена! А нам дырявые сеточки с щита (красные, белые и черные) отдали для изготовления маек. Видимо, в порядке компенсации за перенесенное шоковое состояние. А когда мы корректировали огонь по наземным целям и сидели на самой высокой сосне косы Фришнерунг, то один из 130-миллиметровых осколочно-фугасных снарядов, не долетев до цели, попал прямо в наш грузовик (хорошо, что в нем никого не было). Это ЧП по флоту тоже «замыли», указав, что у снаряда оторвался ведущий пояс, он потерял свой вес и поэтому не долетел до цели. А так ли это было на самом деле, никто не знает. А мы, пользуясь случаем, списали все свое обмундирование и продовольствие, заявив, что все это находится не в землянке, а в грузовике. Спорить с нами не стали и за перенесенный стресс выдали все новое и в полном объеме. Наш командир в шутку сказал: «Если бы все списанное с вас барахло погрузили на машину, то она бы, наверное, и с места не сдвинулась». Однажды нам довелось корректировать артиллерийский огонь трофейной немецкой батареи, которая входила в состав БО КБФ, так вот «веер» (разброс) снарядов прошелся и по нашему НП (это тоже были осколочно-фугасные 100-миллиметровые снаряды). Командир отделения артиллерийской разведки с испуга даже выкрикнул: «Господи, а я еще и не женился!» А позднее, когда опасность миновала, белорус Гомеза свой неподдельный страх пытался перевести в шутку, дескать, я так выкрикнул для смеха. Гомезу демобилизовали досрочно, так как его отец оказался полицаем, а брат служил денщиком у гестаповца и им предстояло встретиться в суде на родной земле. Меня назначили на его должность (у меня сохранился акварельный портрет Гомезы. Не ахти какой, но на него похож).

В нашем дивизионе служило четыре человека из Ленинграда. Авторитет ленинградцев среди матросов был непререкаем. Мы были дружны и дорожили этой честью! Даже меж собою проводили строгие разборки, если была задета честь Ленинграда по вине кого-нибудь из нас. Но дедовщины у нас не было и в помине! Мы даже не знали такого слова! Чиновничества у нас также не было, пока из послевоенных училищ не стали поступать к нам вышколенные кастовые офицерики. Те офицеры, наши командиры, которые пришли на войну, были для нас старшими братьями, опытными воспитателями, нашими справедливыми судьями и наставниками. У них всегда хватало житейской мудрости не унижать человеческого достоинства своих подчиненных и не обижать зазря! Одного (из не в меру кичливых) молодого офицера, еще совсем зеленого, я однажды поставил на место. Так он побегал к комдibu Иванову на меня жаловаться. А тот ему сказал (со слов его денщика): «...тебя салагой, тинной называли, а ты что, бывалый моряк? Я вот четверть века на флоте. Меня стариком называют, а я не обижаюсь... Ведь так оно и есть! Так вот сам налаживай хорошие взаимоотношения с коллективом! И чтобы я тебя с подобными обращениями больше не видел!» И этого молодого зеленого офицерику как подменили! Он оказался талантливым офицером. Организовал самодеятельность, сам играл на баяне. Меня привлек к этому делу, и мы даже подружились! А новобранцев никто никогда не обижал. Шутить по-доброму, конечно, подшучивали. Таковы флотские традиции: «посылать пить чай на клотике» или «продавать макароны на камбузе». Без розыгрышей на флоте не бывает. Были они и у нас. Часто к нам от девушек приходили безымянные письма: «Лучшему матросу в части» (чтобы завязать знакомство). Знали мы, что ленинградец, радист Лешка Зыбин, заскучал. Вот мы и «провернули авантюру»: сами создали безымянное письмо из Ленинграда, которое по всем параметрам (рост, характер, профессия, взгляды на жизнь) подходило бы к Зыбину. Такие письма, как пра-

вило, читали коллективно. Вот и присоветовали ему на это письмо ответить (дескать, поедешь домой в отпуск, там и свидишься). А он на это клюнул. И завязалась переписка между ним и его товарищем по соседней койке. Труднее всего пришлось с фотографией, которую он просил ему выслать. Но разыскали, с большим трудом и плохого качества. Он поначалу обиделся на нее за это. Но мы его убедили, что живет на стипендию, откуда у нее лишние деньги? И вот когда он стал по «липовому» адресу оформлять денежный перевод, то пришлось сказать ему, что это розыгрыш! Он долго не мог нам этого простить. Адьютант, или денщик (что вернее) нашего комдива Саня Члетьяков был ленинградцем, которого на «семейном совете» мы чаще всего прорабатывали, но с него как с гуся вода. Он опаздывал из увольнения, а наказывали всех! Вот однажды его и решили припугнуть... Дорога к пирсу лежала через лесок. А он вновь опаздывал из увольнения. Двое обмотались простынями и засели в кусты по обе стороны дорожки. Когда Саня скосил глаз направо, то увидел одно привидение, а когда посмотрел налево – увидел другое привидение! И не на шутку струхнул. Мимо вахтенного он промчался со страшной скоростью, выкрикнув на ходу: «Меня там грабят, а ты тут стоишь!» В кубрик он ворвался ни жив ни мертв (был бледен и его трясло). Его спросили: «Саня, что случилось?», а он ответил, что в

лесочке выскочили на него шестеро бандитов, и все в макинтошах... Сказал, что еле ноги унес. Вот так бывает. У страха глаза велики!

Был еще один случай, который, пожалуй, даже и разыграем не назовешь. Узнал один из наших, что его фамилия такая же, как у начальника политуправления КБФ. И сам распустил слух, что это его дядя. Затем сам позвонил комдиву и поинтересовался, как служит его племяннику... А через некоторое время попросил оформить племяннику внеочередной отпуск на родину на 10 суток для сопровождения начальника политуправления, что и было сделано немедленно. Но уже через неделю комдив на одном из совещаний в штабе КБФ увидел начальника политотдела и спросил его: «Как съездили на родину?» Тот был страшно удивлен и озадачен подобным вопросом! А комдив все понял и срочно на родину авантюриста направил вооруженный конвой из двух матросов нашей части. Привезли его «чуть тепленьким», так как он там загулял и не ожидал, что за ним так быстро приедут. Получил он от комдива «на всю катушку», 20 суток ареста, но под суд не отдали, так как не хотел комдив, чтобы на старости лет друзья над ним потешались.

Вот так и проходила моя служба в артиллерийской разведке дивизиона. Но, несмотря на мои новые обязанности по линии дивизионной разведки, когда наступали армейские праздники (Дни армии флота, День артиллерии, День Победы), комдив всегда привлекал меня,

как лучшего кока дивизиона, к составлению праздничного меню и к приготовлению праздничного обеда на камбузе в штабе дивизиона. Именно здесь я и познакомился с главным баталером (кладовщиком) дивизиона, с Колей Минаевым.

Обычно принято считать, что интендант, как правило, «жиреет» тем, что обворовывает собственных подчиненных или зависимых от него военнослужащих. Так вот старшина Коля Минаев был редким исключением... Он, видимо, все же где-то воровал и, скорее всего, по самому крупному счету (у него везде были дружки), но только не у своих. Он мог с помощью «таблиц замены» сено перевести в шоколад. Мог вершить и другие, одному ему известные, чудеса в области снабжения продовольствием. То он укрывал от ревизии излишки из других воинских частей, то мы прятали по кубрикам его излишки. Но если кто-нибудь из матросов ехал в отпуск, то он (кроме положенного сухого пайка) выдавал матросам всегда что-нибудь из своих излишков (ну хотя бы хозяйственное мыло). При выдаче продуктов на камбуз даже не пытался обсчитать или обвесить кока (всегда говорил: «Сам бери и сам вешай»). Иной раз, под вечер, мы ходили к нему просто подхарчиться. Однажды он сказал: «Дам на четверых сахар, буханку хлеба и банку тушенки, если воспоете меня в стихах не сходя с места». Поскольку только я из четверых слагал стихи, то мне и пришлось это сделать. Привожу текст этих стихов:

*О светлый, щедрый и великий,
Владыка сахара и масла,
На щедрость твоих добрых рук
Еще надежда не угасла...
Ты в ореоле пышной славы,
Рабам прожорливым своим,
Сулишь консервы для забавы...
И благодеяниям твоим
Нет ни конца ни края...
Нам не найти другого рая,
Которому ты был бы рад
Твой рай, владыка,
Есть – продклад!*

Обещанные харчи получили и тут же организовали «перекус».

Но не все семь лет службы мои дела шли как по маслу. До того как ко мне пришел успех, я был чрезмерно упрям, строптив и непреклонен, самолюбив и знал себе цену. Мною понукать было практически невозможно. Я имел характер, который сломить обычным путем (путем приказа) моему командованию так и не удалось, хотя я пересидел почти на всех гарнизонных гаупвахтах. И только замполиту дивизиона майору Старчаку удалось ко мне «подобрать ключи». Он помог мне съездить в Ленинград, когда мою мать и сестру выкинули на улицу (в связи с демобилизацией хозяина квартиры, на площади которого наша семья проживала в блокаду). Он сумел мне привить любовь к истории страны. Я стал отличником боевой и политической подготовки. Мне, единственному из дивизиона, разрешили посещать вечернюю школу в Пиллау. Так я повторил программу 6-го класса, окончил 7-й и 8-й клас-

сы. За 8-й класс я не успел сдать экзамены, так как весной 1951 года был демобилизован. Я не предполагал, что не успею закончить 8-й класс, и поэтому во время поощрительного отпуска я сдал вступительный экзамен в техникум советской торговли (на ул. Чехова). Весь последний год службы, кроме посещения 8-го класса вечерней школы, я высылал в Ленинград все курсовые задания техникума. А когда демобилизовался, то успешно сдал все экзамены и перешел на второй курс техникума. Но каково же было мое удивление, когда из вечерней школы Балтийска (бывшего Пиллау) мне выслали аттестат за 8-й класс и решение педагогического совета школы о переводе меня в очередной 9-й класс без сдачи экзаменов (в связи с отличной успеваемостью)! Вот тогда я и решил бросить учебу в техникуме и поступить в 9-й класс вечерней школы № 2 (на Перфильевом пер.). Так я получил среднее образование, что позволило мне сдать вступительные экзамены на вечернее отделение Военно-механического института. Конечно, ради осуществления детской мечты мне надо было поступить в Мухинское училище: сдать рисунок, историю и литературу. Но там не было вечернего отделения, а на крохотную стипендию в 75 рублей не только прокормить мать (тогда еще не было пенсий), но даже самого себя было практически невозможно! Вот так я и расстался со своей сокровенной мечтой.

*(продолжение
в следующем номере)*

